

(681)

14 марта 2013 года

Советский писатель

дворянского происхождения.

«Святой доктор»

Федор Гаазе.

Горькое прозрение

Александра Яшина.

событие Понять душу русскую

1 марта по старому стилю, или 14 марта по новому, 1564 года в московской синодальной типографии диаконом Иваном Федоровым была выпущена первая печатная книга на Руси, называвшаяся она «Апостол».

В столице День православной книги будет отмечаться в разном, соответствующем историко-культурному значению этого события. Разнообразная программа охватывает период с 3 марта по 10 апреля.

В Москве центральным событием станет торжественная встреча патриарха Кирилла и мэра Москвы Сергея Собянина с учащимися московских школ, которая пройдет в этот день в Зале церковных соборов храма Христа Спасителя. В этом году было решено пригласить на эту встречу учеников 4 - 5-х классов, начавших изучать «Основы православной культуры».

На посвященной предстоящим торжествам пресс-конференции заместителем руководителя Департамента межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с религиозными организациями города Москвы Константином Блаженным заявил, что руководство Москвы хочет, чтобы День православной книги был «привычным и ожидаемым горожанами». Для этого правительство столицы не только поддерживает инициативы Издательского совета, но и проводит свои мероприятия: цикл экскурсий для школьников в Центральный музей древнерусской культуры и им. Андрея Рублева, вечера православной культуры в клубах, специальные программы в колледжах.

Митрополит Калужский и Боровский Климент сообщил, что еще в преддверии самой даты, 3 марта, Издательский совет РПЦ совместно с Синодальным отделом по делам молодежи провел ставшую традиционной в рамках празднования Дня православной книги молодежную интеллектуальную игру «Брейн-ринг».

В Синодальной библиотеке состоялся Межрегиональный «Крупный стол» для работников православных библиотек на тему «Православные библиотеки: вопросы комплектизации библиотечных фондов».

В преддверии праздника, 13 марта, открылась XVI Национальная выставка-ярмарка «Книги России», в рамках которой будет организован экспозиционный блок православных издательств.

Кстати, сам владыка намерен встретиться со студентами Литературного института им. А. М. Горького. По мнению митрополита Климента, современные литераторы слишком мало пишут на православные темы. Возможно, они просто про это мало знают и их надо просвещать. «Ведь, чтобы понять русскую душу, начинать надо с Евангелия и Пушкина», - заявил владыка.

В свою очередь писатель, лауреат Патриаршей литературной премии Олеса Николаева посоветовала на сокращение часов русской литературы в школах и странные списки рекомендуемых книг. Она рассказала, что в рамках торжественных мероприятий, посвященных Дню книги, будет проведена конференция «Классика и мы»: «Это скорее даже попытка создать общественное движение по защите русской классики, которая является бастионом нашей духовности».

Именно сегодня, когда мы, к сожалению, видим в нашей стране массовое снижение интереса к чтению, празднование Дня православной книги актуально как никогда. Утрата культуры чтения в обществе грозит социальными проблемами, ведь без чтения интеллектуальный рост и развитие человека невозможны.

По словам владыки, задача праздничных мероприятий - вернуть в ранг активных читателей многочисленные группы россиян, которые за последние 20 лет по разным причинам перестали читать, хотя имеют достаточный уровень интеллектуальной подготовки.

Директор Государственного литературного музея Дмитрий Бак рассказал о собрании древних рукописных и печатных книг, хранящихся в фондах Литературного музея, и о выставке «Православная книга и гравюра в собрании Государственного литературного музея», которая откроется в апреле.

Сергей ИШКОВ.

Стержень света

ПОЭЗИЯ

Поэзия - это не совокупность литературных текстов, которые отличаются от других наличием перекликающихся между собой ритм-созвучий и записью в столбик. Поэзия - это удивительный мир, каким-то невероятным чудом существующий параллельно тому видимому миру, в котором мы все обитаем, но который дано видеть только некоторым избранным чужакам, наделенным то ли особой душой, то ли каким-то особым зрением, позволяющим им видеть эти сказочные пространства и даже гулять по ним, рассказывая нам потом на своем волшебном, не свойственном большинству людей языке об увиденном. Таким образом, можно сказать, что поэты - это такие же чудаковые проводники в мир удивительного и непознанного, как герои картины Андрея Тарковского «Сталкер», рискующий водить группы желающих в таинственную, пугающую и необычайно притягивающую к себе зону, образовавшуюся рядом с нашим привычным миром то ли в результате контакта с вневременной цивилизацией, то ли просто по Божьему произволению. Все там оказывается и так, и не так, как в нашем каждодневном будничном мире. Необычно, сказочнее, красочнее...

Пожалуй, именно красочность и есть та основная черта, которая первой бросается в глаза при вхождении под своды поэтического мира, созданного воображением московской поэтессы **Евгении Манфановской** в ее сборниках «Солнечный ливень» (1989), «Женщина» (1991), «Голубая пчела» (1991), «Шестое чувство» (1994) и особенно в книге «Облака» (издательство «Полиграф Сервис»), выпущенной крохотным тиражом. Впрочем, чудеса - явление как раз шутливое, это трибуны стихи выходили когда-то массовыми тиражами, заполняя мир шумом и грохотом, а подлинная лирическая поэзия доступна пониманию немногих, так как требует от читателя не просто внимания, но глубокого со-участия в творческом процессе, со-творчества с поэтом. Потому что поэтический взгляд настолько преобразует окружающую реальность и уподобляет мир чистому листу, что процесс знакомства с ним становится равнозначным самому акту творения, в котором все только еще является на этот свет, проступая едва видимыми и слышимыми

деталью то ли из утреннего тумана, то ли непосредственно из воображения самого поэта: «Сначала, - утро! Все - впервые. Впервые голос пробует птенец. Впервые, ибо все неповторимо, - окраска облаков и их расположение. Неповторимы поцелуи, сиянье глаз, ветра, улыбки. И - шепет, гомон, шум! Живое все спешит и хочет творить и утвердиться в этом утре!»

Хочется спросить, может ли рождающийся в подобной жажде творения мир быть тусклым, серым и безголосым? Да нет, конечно! Вот и создаваемая в стихах Евгении Манфановской поэтическая реальность сияет солнечным светом, сверкает разноцветными красками, пылает огненным жар-цветом, превращая окружающую нас жизнь в ярко расписанный лубок сродни неповторимым картинкам Палеха:

*Цвет зари и сарафана
и сапожек из сафьяна -
жар-цвет,
жар-цвет,
В дугах, блодах, полулахках, -
от саней и до ракет -
покажет, бурдожит
душу русскую жар-цвет.
Средь морозов - жар печей
и сердечной жар репей.
А румянец у девиц
позабудеш и жар-птиц...*

Стихи подобного рода хочется цитировать до бесконечности, потому что их лучше не пересказывать, а показывать, как показывают живописные полотна или альбомы. «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать» - это как раз о таких вот стихах, в которых зрительный ряд является первичное смысловое. Да и сам смысл в конце концов тоже оказывается выраженным в них посредством именно визуального образа:

*...И нет
российского секрета.
Есть русских дух
как стержень света.*

И этот «стержень света», похоже, и является той главной опорой, на которой уверенно держится вся конструкция как жизненного мировоззрения, так и художественной поэтики Евгении Манфановской. Она не просто описывает то, что видит вокруг себя, но, как первооткрыватель неведомого доселе сказочного королевства Москвоземля, не может удержаться в душе опьяняющее ее чувство восторга от акварельно красочных пейзажей, где стоят «лесов золотые шатры», где «желтеющий, тягучий испослан зноя мед», где «на серебро спящей реки бакены сели, как светлячки», в небе залегло «дымчо-алоое перо улетающей спать жар-птицы», а «бабье лето заблудилось в гуще елок молодых». Порою кажется, что она не просто пишет стихотворение, а искусно вяжет некое замысловатое словесное кружево, где слово цепляется за слово, как одна вязальная петля за другую:

*Спылет дождик.
Затнута дымкою даль.
Печаль
мягким облаком душу леплет.
Белеет,
как чайка в волнах, монастырь.
Пусть
растлается бурю глиной.
Былينيю
седюю повею вдруг...*

Поэтесса тоже видит эти необычные свойства самых обычных, казалось бы, русских слов и, пытаясь понять их загадку, задается вопросом: «Сказочно, певуче было. В чем она, его основа? Долокаться бы, да где ж...» - и в конце концов приходит

к выводу, что волшебство языка объясняется тем, что он находится в процессе непрерывного словотворения. Не случайно многие строфы ее стихотворений напоминают собой рассыпаемые под задорные переливы гармошки-трехрядки частушки, которые обычно сочинялись (не это ли и есть истинное словотворение?) прямо по ходу вечеринки:

*Пой-играй про калачи,
про гулянья-праздники.
Удальцы - бородачи -
мужики. Проказники!..*

Стихи сегодняшних русских поэтов трудно представить без печально-трагическим интонацией, и наша политико-экономическая действительность дает для этого очень обильную почву, но не может же быть, чтобы единственной темой всей нашей национальной поэзии были - слезы? Читатели часто обращаются к стихам как раз за поисками духовной подпитки и возможностью укрепления душевных сил, и творчество Манфановской является обильным источником для получения позитивной энергии. Сама поэтесса черпает этот позитив не в чем-нибудь, а в своей собственной любви к жизни, в том нескончаемом чувстве восторга, которое щедро дарят ей встречи с нашим пуском и несовершенным, но таким единственным и неповторимым миром. «Просто жизнь я люблю», - без всяких лукавых мудрствований признается она в одном из своих стихотворений, и то, что это не поза, а чистая правда, хорошо видно по любому из ее стихотворений. «Я купаюсь в облаках, я плыву в цветущем лете, невесомая, земная, обо всем забыв на свете», - говорит она и, кажется, что прямо-таки видишь, как она жмурится от счастья, купаясь в белоснежной небесной вате. «Прозрачны севера глаза. Чистейшей пробы бирюза», - с искренним уважением говорит она о своей встрече с просторами российского севера и Карелии. «Спасибо, Жизнь, тебе за утро, за самоцветы росных капель, за поднимающийся круто благословенный Солнца факел», - не устает воздавать она благодарности за подаренное Богом счастье жить и видеть этот мир...

«И что же, - спросит меня какой-нибудь придричивый читатель, - так уж в расхваливаемой вами книге все хорошо и безупречно с точки зрения стилистики и других норм русского языка? Нет прямо-таки ни одного мало-мальского изъяна?... И мне останется только развесть руками. Потому что не бывает таких книг, чтобы все в них было идеально. Вот и в книге «Облака» тоже иногда встречаются и некие поэтические огрехи, и кажущиеся грубова-неуклюжими для поэтического текста строчки вроде констатации того, что: «Согласно Ньютона закону - отдача двигает вперед», которая не добавляет ни красоты в стихотворение, ни ясности в законы физики. Но ошибается, как известно, только тот, кто ничего не делает, а тот, кто много работает, может что-то и не додумать. Это, конечно, досадно. Но не это главное, потому что общее впечатление от сборника Евгении Манфановской остается исключительно светлым и радостным. Тем более что завершается он разговорами с Творцом и Спасителем нашего мира, органично замыкая этим выплеск душевных чувств поэтессы и ее размышлений о жизни. «Какая радость - жить в ладу с собой, не зная зависти и злобы», - говорит она в одном из последних стихотворений книги, словно даря читателям заключенную в этом признании формулу вечного счастья и неиссякаемой жизненной радости.

Николай ПЕРЯСЛОВ.

Жить и умереть в России

встречи

В «Иностранке», как называют Всероссийскую государственную библиотеку иностранной литературы имени М. И. Рудоминского, прошел творческий вечер писателя Александра Нежного. Центром развернувшейся дискуссии стал его новый роман «Nimbus», рассказывающий о великом христианине, «святом докторе» Федоре Петровиче Гаазе.

- Впервые о докторе Гаазе я узнал в ту пору, когда был жадным книжным собирателем, - сказал во вступительном слове Александр Нежный. - Однажды мне удалось купить старые томов сочинений известного русского юриста Анатолия Федоровича Кони. И вот тогда, прочтя его очерк о немецком врач, я впервые подумал написать о нем повесть. А в начале нынешнего века мне посчастливилось поработать в немецком католическом фонде и с его помощью издать том «Врата милосердия», в котором собраны малоизвестные материалы о Федоре Петровиче Гаазе, который был членом Московского тюремного комитета и главным врачом московских тюрем. Свою жизнь в России он посвятил облегчению участи заключенных и смиленным. Этот обязательный и деятельный человек относился буквально ко всем людям, и богатым, и бедным, с безграничной добротой, своими поступками олицетворял принципы равенства и братства.

Именно о доброте и любви к ближнему эта книга. Вот как рассказывает ее герой, совершая свои благородные поступки: «От свободных - невольникам; от благополучных - страждущим; от живущих в мире - переступившим закон, - читаем в романе «Nimbus», - Накануне за преступление, вы не

перестали быть нашими братьями. Мы помним о вас - в знак чего наша милостья, наше сострадание, наш хлеб».

По сюжету книги хлеб - пять больших круглых караваев - доктор Гааз возлет в пересыльную тюрьму, где должны состояться свадьба и скромная трапеза. Увы, не всякому дано познать его желание принести «радость опечаленным». «Свадьба в тюрьме? - спрашивает «святой доктор», - Что движет этими странными людьми, даже кандалы не помеха?»

«Любовь, - кратко отвечал Гааз. - Жертвенность. Достойнейшая девушка, дочь бедных родителей, вступает в брак, дабы разделить со своим суженым все тяготы предстоящей ему за упущения по службе трехлетней ссылки».

Таких ярких, пронзительных эпизодов разбросано множество на страницах романа «Nimbus». Странствуя по Москве, по тюрьмам и больницам, Федор Петрович, словно с помощью «волшебного фонаря», непременно находит «людей» среди разбойников и убийц. Его жизненное кредо - забыть узника, приютить илзгнанника, накормить голодного, отдать нищему последнюю рубашку.

Чтобы воссоздать личность «святого доктора», показать бескорыстное стремление этого человека помогать обездо-

ленным людям, автору потребовалось «раскопать» дополнительные детали и подробности, связанные с его жизнью в Москве в первой половине XIX века. Мало назвать безграничную способность доктора к состраданию, она должна быть выражена художественными средствами. Писателю предстояло с достаточной степенью достоверности написать все, что было связано с его деятельностью. Как он совершал обход больницы, кто его пациенты и как они с ним общались, как выглядела пересыльная тюрьма, которая была устроена им на Воробьевых горах, где когда-то собирались воздвигнуть первый храм Христа Спасителя.

Наконец, автору удалось едва ли не самое главное - использовать адекватный язык, на котором говорят персонажи романа.

Абсолютный литературный слух не изменил писателю - такому мнению выступавших в творческом вечере. Критики Андрей Турков и Юрий Скворцов, главный редактор журнала «Иностранка» Екатерина Пчелинцев, главный редактор журнала «Церковь» Александр Антонов, президент Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ, руководитель Администрации президента РФ в 1993 - 1996 годах Сергей Филатов высоко отозвались об Александре Нежном - стилисте, его виртуозном художественном мастерстве. На вечере выступил также кинорежиссер Николай Досталь, сообщивший о своем намерении поставить фильм о докторе Гаазе.

«Написанная на грани дедуктивна книга о докторе Гаазе

получилась не только захватывающей, но и чрезвычайно полезной. Затрагивая болевые моменты нашей истории, она заставляет думать и сопереживать», - сказала генеральный директор библиотеки Екатерины Гениева.

Разговор о новом романе, развернутой в ходе литературной дискуссии, плавно перешел на религиозно-нравственную тему - можно сказать, основную в творчестве писателя. Александр Нежный - автор семнадцати книг документальной и художественной прозы, таких, как «Сияла Оптика пустынь», «Взгляд со Святой горы», «Комиссар дьявола», «Допрос Патриарха», «Погружение во мрак». Один из недавно выпущенных его романов - «Там, где престол сатаны» - посвящен истории Церкви в России в советский период и охватывает семь десятилетий.

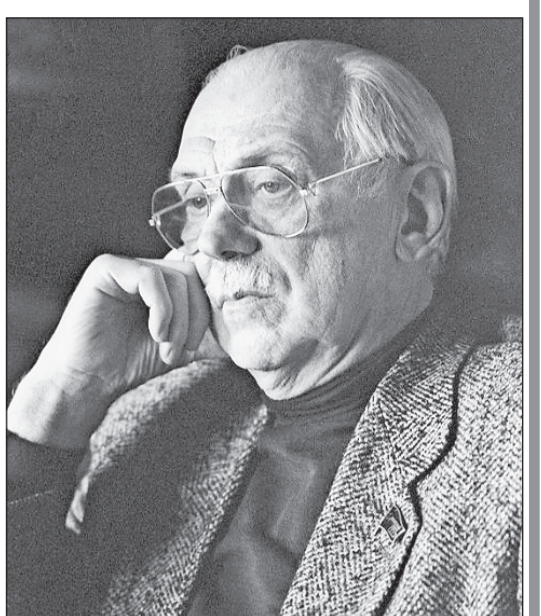
Завершая дискуссию о творчестве писателя и его романа «Nimbus», вышедшем в издательство «Центр книги Рудоминского», генеральный директор «Иностранки» Екатерина Гениева поделилась и такими грустными впечатлениями. Оказавшись, могила Федора Петровича Гаазы на Венедском кладбище, которое москвичи по старинке называют немецким, в неприглядном, неподобающем состоянии. Она призвала вместе, общими силами, привести его могилу в божееский вид.

- Не будем ждать, когда в Ватикане подойдет к концу процесс причисления великого доктора к лику святых - лучше последуем его замечательному совету: «Спешите делать добро».

Юрий СИЯКОВ.

Всегда рядом с властью

Сергей Владимирович Михалков родился 13 марта 1913 года в Москве, в доме 6 на Волконке. Михалков дворянского происхождения и по отцу, и матери. По праздникам в дом Михалковых навещивался городской, доктору, как положено, подносили чарку... Свое дворянское происхождение Михалков долгие годы скрывал, а когда эпоха социализма закончилась и распалось государство рабочих и крестьян, то стал Сергей Владимирович гордиться своим дворянским происхождением, гордо заявляя: «Я был советским писателем дворянского происхождения».

Документы свидетельствуют: Михалковы - древний русский род, который пошел из Литвы. При избрании царем Михаила Федоровича предок Михалков был назначен первым постельником. Разные должности занимали Михалковы, но всегда близости от трона. Кормились у властной кормушки.

Многие современники удивлялись, как мог потомок бояр выслуживаться перед большевиками? Наиболее прозорливые отвечали: он служил. Отец Сергея Михалкова, состоятельный дворянин и юрист по образованию, после свершившейся революции сказал: «Раз народ выбрал эту власть, я с ней бороться не буду». И не боролся. Пытался служить, но контакта не получилось, и пришлось ему с семьей перебраться на Северный Кавказ и заниматься там птицеводством.

В 1932 году отец Владимир Александрович ушел. Можно смело предположить, что доживи он до 37-го года, не быть бы его сыну лауреатом Сталинской премии, как «сыну врага народа». Но отец умер вовремя и не испортит биографии Сергея Владимировича. В юные годы он учился в Пятигорске и там же в 15 лет опубликовал первые стихи в газете «Терек». Потом был период рабочей деятельности и, наконец, Михалков-младший осел в 1933 году в Москве. Одно из первых его рабочих мест в столице - отдел писем в газете «Известия».

Михалков активно выступал в журналах «Огонек» и «Прожектор», в газетах «Комсомольская правда», «Вечерняя Москва», «За коммунистическое просвещение». Выпустил первый сборник стихов «Вечерняя Москва», в котором в сочинениях Михалкова не было. Коренной перелом произошел в 1935 году, на 23-м году жизни, когда в «Известиях» появилось его стихотворение «Светлана»:

*Я тебя будить не стану:
ты до утренней зари
в темной комнате,
Светлана,
Сны веселые смотри...*

Стихи эти Михалков посвятил одной Светлане, а поплали она на глаза совсем другой Светлане, дочери вояды. И дочери, и отцу стихи понравились. Произошел тот самый счастливый случай: молодой поэт, как стрелок, точно попал в десятку. На следующий день после публикации «Светланы» Михалкова вызвали в ЦК ВКП(б), и ответственный работник Сергей Динамов сказал: «Ваши стихи, молодой человек, понравились товарищу Сталину. Он заинтересовался, как вы живете, не нуждаетесь ли в чем?»

Молодого робкого Михалкова облакали в Кремле, а вышедшего из печати «Дядю Степу» издавали гигантским тиражом. Михалков как бы подхватил эстафетную палочку от Маяковского - «Моя милостья меня берет».

Стихотворение «Светлана» вкupte с «Дядей Степой» положило путь Михалкову на вершину литературного успеха. «В 1939 году, с нескрываемым удовольствием рассказывал впоследствии Сергей Владимирович, - произошло замечательное событие в литературной жизни - первое награждение большой группы писателей. Вместе с С. Маршакoм, М. Шолоховым и В. Катаевым меня наградили орденом Ленина. Мне было тогда 26 лет. Как мне казалось, я крепко стал на ноги, а присуждение в 1941 году Сталинской премии за книги для детей, может быть, опять стало для меня своеобразным «охранной грамотой».

В 1941 году грянула Великая Отечественная, и Михалков был мобилизован в армейскую печать. На фронте он познакомился и подружился с Габо - с Габриэлем Урекляном, выступавшим в печати под псевдонимом Эль-Регистан. В 1943 году друзья узнали о конкурсе на создание гимна СССР и решили принять в нем участие. С энтузиазмом взялись за работу, и оказалось, что их текст оказался более подходящим, чем другие. Последовал звонок Клима Ворошилова из Кремля: «Товарищ Сталин обратил внимание на ваш текст, будем работать с вами...»

О том, как шла работа над текстом гимна, Михалков многократно рассказывал, неизменно подчеркивая: «...Сели за работу, я сочинял, Габо инициировал, редактировал формулировки...» А уж в Кремле в роли главного редактора выступил сам Иосиф Виссарионович.

Как вспоминал Михалков, Сталин был доволен текстом, довольны были и «живые портреты» (так назвал их Михалков) - Молотов, Берия, Ворошилов, Маленков, Щербаков...

Гимн в ночь на 1 января 1944 года прозвучал

судьбы

по Всесоюзному радио. «Славься, Отечество наше свободное, / Дружбы народов надежных оплот!» Под конец жизни Сергей Михалков подводил итоги. Из интервью в 90 лет журналу «Итоги»:

«Я человек ушедшей эпохи, и спрашивать с меня надо по законам того времени. Это не оправдание, а констатация. Я воспитан советским строем, кровью и плотью его, не могу сказать, будто старался особенно выслуживаться перед режимом».

После смерти Сталина Михалков немного обновил текст гимна, а потом стал творцом и гимна новой, демократической России.

После войны Михалков занялся драматургией: пьесы «Коньки», «Общее задание», «Красный галстук», «Я хочу домой», «Сомбреро», «Илья Головин», «Раки», «Осторожно, листопад»... Драматические сочинения Михалкова прямолинейны, страдают от открытой дидактики, длинноты. Не лучше вышли из-под его пера пьесы-сказки для детей.

Писал Михалков и басни и при этом считал себя настоящим баснописцем, но опять, увы, не Крылов. Создал Михалков и более 30 киносценариев. Михалков - создатель сатирического киножурнала «Фитиль». Палил из всех пушек по отдельным хозяйственным и административным недостаткам, а в систему, в режим даже не целился. Охранять по натуре, он ведь служил власти.

Еще одна грань деятельности Михалкова - литературный функционал. Многолетний председатель Союза писателей РСФСР и разных комиссий. Гроза всех инкомиссников. К премии, вроде бы ценил Бориса Пастернака, но когда за границей напечатал «Доктора Живаго», то Михалков возмутился и стал метать гром и молнии.

Среди поэтов Михалков ценил не очень много. Выделял и восхвалял только Твардовского («Я благодарю моему любимому поэту Александру Твардовскому, он, а не я создал «Василия Теркина»). Высоко ставил Самуила Маршака и Агнию Барто. В остальных коллеггах видел в основном завистников своего таланта.

Навпячивая идея: раз интеллигент, значит, завистник чужого таланта. Одному молодому писателю, пожалованному на то, что слишком много недоброжелателей, Михалков посоветовал: «Х-х-х, хочешь, что тебя все любил? Очень просто. Нет ничего проще. Издавай одну книгу раз в 20 лет. Одеявай во что-нибудь равняющее. Появляйся с такими женщинами, чтобы само по противно было. И болей. Лучшего всего - неизменно. Все будут тебя обожать».

Эту михалковскую мудрость Анатолий Алексин назвал правилом «трех Б»: не хочешь зависти - будь бедным, бездарным, больным. И тогда - сознание и любовь. Сам Сергей Владимирович жил по-другому: не скрывал своих успехов и гордо выпячивал грудь с Золотой Звездой Героя.

В Союзе писателей Михалков вел себя как левый царедворец, а среди друзей и близких был открытым и даже добродушным человеком. Алексин называл его даже «большим ребенком». Но этот «большой ребенок» умел по-взрослому работать. Помимо сочинительства, любил охоту, природу («Я урбанист. Люблю выезжать на природу, но не жить (на природе)», автомобиль (длгое время водил сам), но когда подавали казенную машину, садился в нее, как барин, значительно и величественно.

Еще важная черта: Михалков не пьющий, что в писательской среде редкость. Откровенно не любил шумных застолий («Терпеть не могу компания, где лебят и рассказывают похотные анекдоты. Я не люблю гульбу...»). На склонах Лев Михалков стал отдаляться от общественных страстей и говорил: «Живу сам по себе. И не демократ, и не консерватор. Сам по себе. Чье время на эти митинги терять. Я лучше дома посижу, поработаю, или своего любимого Пришвина перечту...» Это было сказано Михалковым в 85 лет.

27 августа 2009 года Сергей Владимирович умер в больнице от отека легких, в возрасте 96 лет. Его последними словами были: «Ну хватит мне. До свидания». И закрыл глаза...

Юрий БЕЗЛЯНСКИЙ.

«Время» Олег Янковский глазами друзей. Составители Борис Полюбовский, Екатерина Амиханова. Серия «Диалог». 256 с., ил. Павел Олег. Карагинский. Стихотворения. Перевод с французского, составление и комментарии Романа Дубровкина. Предисловие Сергея Зенкина. На французском и русском языках. 236 с. Роднина Ирина. Слеза чемпионок. Серия «Диалог». 384 с., ил. Чудаков Александр. Антон Павлович Чехов. Серия «Диалог». 256 с., ил. Бусцати Дино. Загадка старого леса. Роман. Перевод с итальянского Ольги Поляк. Серия «Квадрат». 192 с. Делери Филипп. Первый глоток пива и прочие радости жизни. Загубленная сиеста. Рассказ. Перевод с французского Н. Мавлевич, А. и Н. Васильевых. Серия «Первый ряд». 190 с. Левитина Маша, Левитин Михаил. Про то, как Вахса гуляла-гуляла, гуляла-гуляла... 94 с. Малларме Стефан. Стихотворения. Перевод с французского, составление и комментарии Романа Дубровкина. Предисловие Сергея Зенкина. На французском и русском языках. 236 с. Модз. Роман и рассказы. Серия «Самое время!». 256 с. Роднина Ирина. Слеза чемпионок. Серия «Диалог». 384 с., ил. Чудаков Александр. Антон Павлович Чехов. Серия «Диалог». 256 с., ил. Бусцати Дино. Загадка старого леса. Роман. Перевод с итальянского Ольги Поляк. Серия «Квадрат». 192 с. Делери Филипп. Первый глоток пива и прочие радости

жизни. Загубленная сиеста. Рассказ. Перевод с французского Н. Мавлевич, А. и Н. Васильевых. Серия «Первый ряд». 190 с. Левитина Маша, Левитин Михаил. Про то, как Вахса гуляла-гуляла, гуляла-гуляла... 94 с. Малларме Стефан. Стихотворения. Перевод с французского, составление и комментарии Романа Дубровкина. Предисловие Сергея Зенкина. На французском и русском языках. 236 с. Модз. Роман и рассказы. Серия «Самое время!». 256 с. Роднина Ирина. Слеза чемпионок. Серия «Диалог». 384 с., ил. Чудаков Александр. Антон Павлович Чехов. Серия «Диалог». 256 с., ил. Бусцати Дино. Загадка старого леса. Роман. Перевод с итальянского Ольги Поляк. Серия «Квадрат». 192 с. Делери Филипп. Первый глоток пива и прочие радости

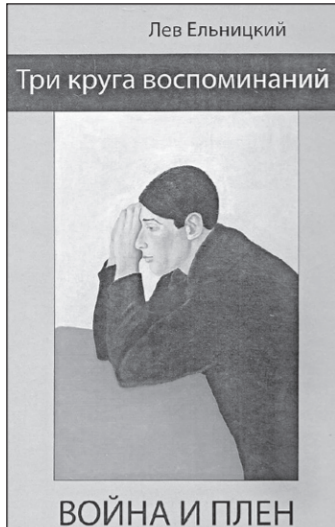
Толстой Лев. Война и мир. В двух книгах. Том третий и четвертый. 744 с., ил. «Эксмо» Барина Наталья. Свадьба твоей мечты. Энциклопедия для счастливых людей. 256 с., ил. Бачинская Инна. Свой ключ для чужой двери. Роман. Серия «Детектив сильных стратегий». 352 с. Берг Карен. ...Продолжение следует... Реинкарнация и смысл нашей жизни. Перевод с английского Ю. Дубового. Серия «Каббала». 256 с. Берн Ронда. Магия. Перевод с английского И. Б. Иванова. 296 с., ил. Булатова Татьяна. Мама была раму. Роман. Серия «Дочки-матери. Проза Татьяны Булатовой». 320 с. Венедская Татьяна. Сохраняю свет. Проза Татьяны Венедской. 320 с. Джеймс Эл. Пятьдесят оттенков свободы. Перевод С. Самуйлова. 640 с.

пержитое

судьбы

Война и плен

Когда читаешь книгу «**Война и плен»** (издательство «Аграф»), написанную известным археологом и историком Львом Ельницким, то убеждаешься, что написана она отнюдь не в ярких красках, а скорее вообще без красок. Если переводить язык слов летописи Ельницкого на язык красок, то я бы сказал, что тона ее серые. Серый, не контрастный тон описаний всех событий преобладает в этом повествовании. И это не случайно. Ведь книгу написал специалист по античной и римской истории и культуре, и, вероятно, по этой причине автор использовал столь чуждый в Древнем Риме стиль абсолютной отстраненности от свершающихся событий, даже некой отрешенности от них.

Лев Ельницкий
Три круга воспоминаний
ВОЙНА И ПЛЕН

Видимо, поэтому в книге фактически нет оценок происходящего. Нет слов о героизме одних и бесконечной жестокости других, казалось бы, нет и обобщений. Но читатель ясно ощущает дыхание войны с ее удручающей, безжизненной атмосферой постоянно уже механического и никого не удивляющего убийства.

Нельзя не отметить, что Лев Андреевич Ельницкий (1907 - 1979) родился в Санкт-Петербурге. Детство свое провел в Пензе, куда был выслан царским правительством его отец - известный историк русского революционного движения. Окончил школу в Москве, затем и Московский университет. До войны работал в Государственном Историческом музее, археолог, специалист в области греко-римской и скифской культуры. Потомственный интеллигент, человек большого мужества, поскольку он писал свою книгу в советское время, ведь в повествовании содержится факты, которые цензура не пропустила бы. А сама книга в известной мере ломает наши представления о войне.

Дело в том, что Ельницкий в советской предвоенной жизни, как историк, искал не миф, но истину и принадлежал к той части чудом уцелевшей культурной элиты, которая, мягко говоря, не любила власть. Когда уже в плену немецкий офицер спрашивает у Льва Ельницкого, способен ли он, мягкий русский интеллигент, убить кого-нибудь, тот отвечает, что да, но только одного человека. Сталина. Этим много сказано.

Эта фраза напоминает одну легенду, которая ходила после войны.

В одном из сел под Москвой в избуе войны встретили старика и завели разговор о победе. Как сами понимаете, тогда вопрос о нашей победе был проблематичен. Враг, что называется, стоял у ворот. Но старик с уверенностью сказал, что мы победим. На вопрос - почему? - он ответил просто: «Наш-то Гитлер по сильнейшему ихнет будет».

Вот эта отрешенная мысль о том, что война - столкновение гигантских сил, возглавляемых двумя тиранами, это презрение истории к открытым и неизбежным причинам войны, причины иррациональные и не поддающиеся анализу, также присутствует в этой книге.

Конечно, в повести, кроме мужества автора, писавшего ее после немецкого, а затем после советского плена в застенках ГУЛАГа, куда он попал как предатель и враг, есть еще и дополнительный страх того же автора.

Ведь Ельницкий - это русский еврей. Отец его - русский, а мать - еврейка, но сам он считает себя русским. И весь плен над ним висит дамоклов меч. Вдруг узнают, что мама еврейка? И тогда - гестапо и уже на следующий, концентрационный лагерь. И, конечно, смерть.

Автор переживает плен в лагере с довольно миролюбивым и даже интеллигентным немецким начальством, которое, узнав, что он ученый, делает ему послабления и не изнуряет непосильным трудом. Однако это начальство говорит ему, что

«есть немцы, но есть гестапо», и не дай бог, оно приедет в лагерь.

Вот в соседнем лагере уже отловили и расстреляли двести евреев. Но вы же русский - вам нечего бояться, говорит начальник. Однако Ельницкий знает, что он не совсем русский, и страх вновь и вновь сковывает его разум, а повествование становится все более и более отрешенным. И ужас войны видится им даже не в расстрелах, но в обыденных деталях. Он - в постоянном ожидании гибели.

Одно время наш герой спит в бараке-госпитале. Немцы, оказавшись, лечат наших раненых. Не очень настойчиво, но лечат. Ельницкий - санитар. Он перевязывает нашего раненого, а у того вместо руки - белая кость. Руку уничтожила гангрена, которая неизбежно съест всю плоть этого человека. Это война, и ее принесли немцы. И таких деталей немало. Многие уже пришлось пережить в немецких лагерях для военнопленных. И длится этот плен до мая 1945 года.

Но вот Красная Армия в Берлине. Ельницкий ликует. Советские танки разрушают уже никому не нужную ограду вокруг лагеря. О счастье! Советские люди рядом. Ельницкий, как и другие советские военнопленные, попадает в фильтрационный лагерь. И вот конец плену. Счастье близко. Автор на родине! Здесь он получает двадцать пять лет строгого режима за плен и войну. И об этом периоде он позже снова напишет правдивую книгу, как и эту, о войне. Хотелось бы верить, что родственники Льва Ельницкого соберут деньги и на ее издание...

Юрий НАУМЕНКО.

Любить — живых, об ушедших — помнить

Правильно говорят, что каждый человек может написать как минимум одну книгу - книгу о своей жизни. Но, добавлю, не каждый может сделать эту книгу достоянием массового читателя, а именно - опубликовать. Огромную работу проделала дочь ихтиолога **Анны Майоровой**, генетик Ольга Данилевская, чтобы воспоминания были изданы - «История моей жизни для моих детей» (издательство «Ладомир»). Сейчас эта книга перед нами с разветвленным генеалогическим древом в форзаце, с множеством фотографий и документов, отразивших историю большой семьи Майоровых-Данилевских.

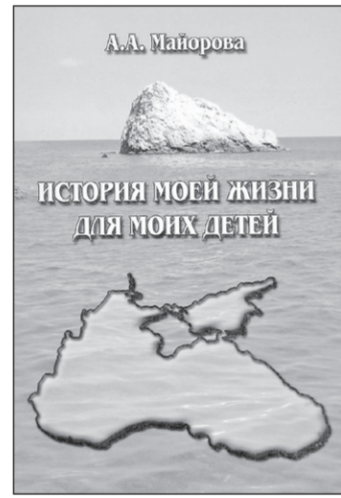
Удивительно, как сквозь насыщенные событиями XX века можно было сохранить столько фотографий и документов истории семьи, воссоздать родовосные древа. Воспоминания Майоровой представляют интерес и как часть истории морской ихтиологии России, истории страны в целом. Экземпляр книги О. Данилевской передала во ВНИРО, где имеется девяти томник «Исследования о состоянии рыболовства в России», изданный в 1861 году со всеми статистическими данными. Из девяти томов пять принадлежат Н. Я. Данилевскому.

Николай Яковлевич Данилевский (1822 - 1885), прадед мужа Майоровой, был видным ученым и общественно-поли-

тическим деятелем XIX столетия. Философ и социолог Данилевский был знаком с Федором Достоевским и также проходил по делу петрашевцев. Как социолог Данилевский известен собственной теорией стратификации общества, основанной на этнических, культурных, религиозных и политических особенностях социума.

Н. Я. Данилевский по своей идеологии был славянофилом, за что получил нелестную характеристику в Большой советской энциклопедии как «реакционный философ, глава позднего русского славянофильства». Он был интересен еще и тем, что, отстаивая эволюционные позиции, был критиком дарвинизма. Философ не мог признать, что в основе развития был принцип приспособления к условиям окружающей среды. Советская идеология всегда представляла лагерь правых, что-то одно, зачастую разное в разное время. Однако дарвинизм всегда подвергался жесткой критике, не только оглушной, но и профессиональной. Данилевский в этой среде сумел не только предвосхитить развитие эволюционной идеи, но и связать биологию с социологией в одно целое, причем на основе практического опыта.

Вот от такого человека произошли последующие поколения семьи. Для нас в России сияние заморских гениев затмевает вклад и значимость ответственных ученых. Семейные воспоминания Майоровой

в какой-то степени направлены на устранение исторической несправедливости. С нежной теплотой пишет автор о своей старшей сестре Инночке, заменившей ей рано умершую мать. Очень интересно после прочтения увидеть фотографии всех членов этой большой семьи, размещенные на трех достаточно объемных вкладках книги. Анна Майорова родилась в 1904 году в Москве. Среднюю школу закончила в Малаховке. Поступила в Томский госуниверситет, затем перевелась в Москву, окончила МГУ в 1929-м и отправилась на практику в Азово-Черноморский НИИ рыбного хозяйства и океанографии (АзЧерНИРО) в Ростов, затем в Керчь. Большую часть жизни проработала в лаборатории ихтиологии АзЧер-

НИРО, изучая рыбные богатства Черного моря, в основном анчуса. Работа велась совместно с мужем. При этом Анна Арсеньевна была завещающей лабораторией, а Николай Николаевич Данилевский - старшим научным сотрудником той же лаборатории.

Воспоминания Анны Майоровой подготовлены к изданию ее младшей дочерью Ольгой Данилевской, вдовой известного генетика Евгения Аняньева - первооткрывателя мобильных элементов в хромосомах дрозофилы. О. Данилевская живет вместе с детьми в США, и издать книгу здесь, в России, стоило ей огромного труда. Думаю, эти усилия затронуны недаром. Книга получилась интересная, и важна она, конечно же, не только для детей и внуков автора, но и для достаточно большого круга читателей. К сожалению, в тексте много опечаток и даже грамматических ошибок. Жаль, что редакторская правка осуществлялась столь невнимательно.

Время выхода книги в свет в России совпало с попытками закатать в асфальт памятники надгробия Н. Я. Данилевскому в крымской Мшаке - бывшем имении философа. Памятник установлен накануне 185-летия со дня его рождения на деньги потомков. В книге размещена фотография могилы Данилевских по состоянию на 2009 год.

Наталья ВАКУРОВА.

Относись к себе нежно

человек

кому удается сохранять высокую работоспособность, чаще в этой гонимой расправляется собственным здоровьем. Получается, что подобный изматывающий стиль работы не нужен ни людям, ни организациям. Как же быть? Человек - не машина, у которой, как правило, один источник питания. А человек, чья работа в полную силу требует физической, эмоциональной, интеллектуальной и духовной энергии. Чтобы постоянно улучшать свои результаты, необходимо сочетание напряженной работы и восполнение энергии. Это позволяет удовлетворить настоящие потребности - жизне- способность, безопасность, самовыражение и значимость. Чего скрывать: чаще всего мы сами создаем среду, в которой работаем, и все проблемы начинаются с того, как мы сами к себе относимся. Поэтому, как отмечают авторы книги, мы делаем глупости даже в тех сферах деятельности, в которых знаем все наизусть. Забываем о собственных потребностях, но тратим массу энергии на обвинения, жалобы и перекладывание вины на других. Не проявляем должной заботы о себе и своем здоровье, боле- ем, что грозит потерей интереса к жизни.

«Хорошо это или плохо, но все мы являемся рабами своих привычек, - утверждают авторы. - Более 95% наших поступков продиктованы нашими привычками, неосознанными или выработанными в качестве реакции на воздействие внешних факторов. В своих поступках мы настолько чаще действуем автоматически, а не сознательно. Другими словами, мы думаем, что управляем своей жизнью, но это совсем не так».

Как изменить свою жизнь или же скорректировать ее? На это и пытается дать ответ книга. Кому-то предложены советы покажутся банальными. Да, конечно, нужно чередовать работу и отдых, правильно питаться, высыпаться, сдерживать свои эмоции... Да кто же этого не знает! В книге множество примеров и ссылок на научные исследования. Они призваны еще раз убедить читателя в этих вроде бы и не новых истинах. Приводятся методики, например, как победить бессонницу или волнение, как быстро восстановить свое физическое состояние, как бороться с нерешительностью, страхом. Немало интересных найдут и руководители. Они, по мнению авторов, «главные управляющие силы» организационной энергии. Их основная задача: собрать мобилизованные ресурсы людей, которых они ведут за собой. Надо помнить, что проявление негативных эмоций ведет к быстрому истощению энергии. Хорошо также помнить, что критика в собственный адрес разрушительно действует на наше тело и способность мыслить. Но и «больное самощипание, высо-

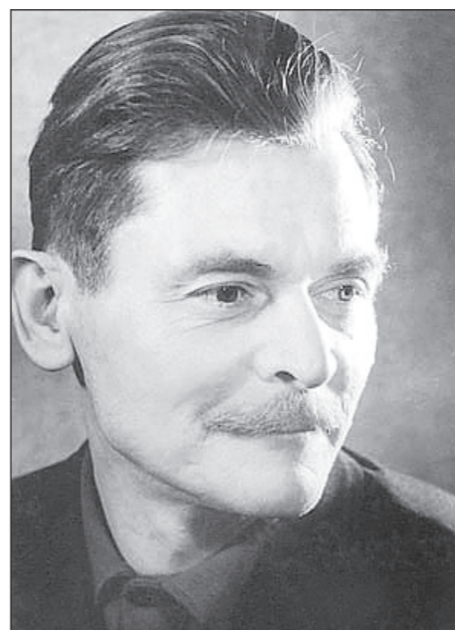

кая потребность в восхищении и чувствительность к критике - типичные черты самовлюбленного человека, которые подрывают наши способности учиться, развиваться и брать ответственность за свои ошибки».

И, конечно, важно общее понимание своих жизненных ценностей. Авторы напоминают слова Ницше: «Тот, кто знает, ЗАЧЕМ жить, может вынести любую КАЗНЬ».

Александр ЕГОРУНИН.

Этот путь к правде, о славословии и фальши до осознания горькой действительности, прошел поэт и прозаик Александр Яшин. В марте исполняется 100 лет со дня его рождения. Его имя сегодня основательно забыто, и необходимо вспомнить его поучительную жизнь и творчество.

Льва Яшина помнят - один из лучших вратарей мира, а вот писателя Александра Яшина - только знатоки. А в 50-60-е годы прошлого века его имя звенело и будоражило многих. Маленький рассказ «Рычаги» (всего-то 10 страниц машинного текста) вместе с романом Владимира Дудинцева «Не хлебом единым» и очерком Федора Абрамова «Вокруг да около» явился знаменем времени, взорвал тишь благостного социалистического реализма.

Вениамином Каверин о Яшине: «Он ничего не умел и не хотел скрывать». «Мушкетер» вольгодский правдолюбец с неистовыми расколоченными глазами» (Евгений Евтушенко).

Типичная судьба того времени: сельский паренек, ставший столичным поэтом. Легко поднявшийся на социальном лифте наверх.

Александр Яковлевич Яшин (настоящая фамилия Попов) родился 14 (27) марта 1913 года в деревне Блудново Вологодской губернии. Безотцовщина (отец погиб в Первую мировую войну). Семья бедствовала, и мальчику Саше выпали все тяготы тяжелою крестьянского труда. Но он выдюжил и окреп от всех трудностей. В 1931 году окончил педагогический техникум и стал преподавателем. О тех годах вспоминал в стихах: «В голоде, в холоде, / В городе Вологде / Жили мы весело - / Были мы молоды...» И печальный вздох в конце: «Ах, до чего же / Были мы молоды!»

Затем Север, и там, в Архангельске, в 1934 году вышел первый сборник стихов «Песни Севера» (Яшину - 21 год). Далее Москва, Литературный институт, второй сборник «Северянка». Вступил в партию. Как поллитрактор и военный корреспондент участвовал в Великой Отечественной войне. В дневнике (а Яшин вел дневники постоянно) он записывал:

«22 июня 1941 года. День нападения Германии на Советский Союз... Надо приготовиться ко всему. Я все еще находюсь под обаянием «Войны и мира» Л. Толстого. Решил быть на войне, все видеть, во всем участвовать. Сейчас будет делаться новая история мира, и тут побьются за свою жизнь стыдно. Надо быть впереди, быть везде, что после, если останусь жив, не было стыдно за себя и жалко, что в такое время я что-либо упустил. Николай и Петя Ростовы и Пьер Безухов - образцы для меня. Я их вижу как живых».

Александр Яшин честно выполнил свой воинский долг и в послевоенную пору был полон надежд, что все сложится хорошо. В 1949 году он выпустил поэму «Алена Фомина» и получил за нее Сталинскую премию второй степени.

Все ладно и замечательно? Другой на месте Яшина купалась бы в лучах славы, но самолюбованием он не страдал, точнее говоря, оно было вначале, но Яшин его медленно и мучительно изживал из себя. В дневнике он честно писал: «А как писатель лауреатская поэма? Ходил пешком по родной земле - возм в рюкзаке, но прибавлял в нее на останков... совсем не о том, что видел. Жизнь как бы текла мимо меня...» «Алена Фомина» - это поэма об образцовом хозяйстве, об идеальном острове благополучия среди моря нищеты и безхозяйственности. Другими словами, Яшин кинул на удочку социалистического реализма, написал не о жизни, какая она есть, а о жизни, какой она должна быть.

Своему другу признавался: «Получил я премию за «Алену Фомину», купил «Победу» и поехал к землякам-вологдцам. Хвастаться. Собирать дань славы. Приехал, а там голод... До сих пор как вспоминаю, так и краснею!».

Выступая на 2-м Всесоюзном съезде советских писателей в декабре 1954 года Яшин говорил с трибуны: «Нельзя сказать,

Путь к правде

что мы все поголовно не видели сложности в жизни послевоенной колхозной деревни. Но мы бежали от них...»

Бежали, закрыв глаза, бежали от горькой правды. В душе Яшина уже давно велась борьба: как писать: правдиво или фальшиво, лакируя жизнь? Он сформулировал это так: есть мертвые стихи и есть живые. «Мертвые стихи - это повторение азов, зарифмовывание готовых фраз. Живые стихи - те, в которых бьется живое человеческое сердце и чувство».

«Мертвые стихи» заполнили почти все первые сборники Яшина, пафосные и ложноромантические, - «Земля богатырей», «Советский человек», «Свежий хлеб». В закромах немалый запас, что ни год веселее живется.

Обо всем, О любви из нас Сам товарищ Сталин печется.

Позднее Яшину было стыдно за такие стихи - о Сталине, о Волго-Доне, о целине. Вот его герой, паренек, окончив ФЗО, получает направление на строительство Волго-Донского канала, и сверстники завидуют ему: «Везет, / И везет же человеку в жизни! / Чуть из школьных вырвался ворот / И же на - на стройку коммунизма!».

Сегодня можно удивляться всему этому, но тогда действительно пафос труда ощущался всюду - пропаганда не зря ела свой хлеб!.. Воспевание героических будней - не один Яшин занимался этим «пением». Так пело большинство советских поэтов. Пели, не испытывая ни сомнений, ни мук совести. А Александр Яшин еще в предвоенные годы стал задумываться, а правильно ли все это? И отключив в сторону очередной жизне-радостный опус: «Не затем я молчу, / чтоб скрытаться, / в нашей жизни хочу заработать... / На людей не рожу, / и у неба ничего не прошу. / Правды мне бы!».

И Яшин начал долгий и мучительный путь к правде: «Прости меня, мама, прости, что пусто в твоей избе, а я это вовремя не заметил. Прости, что я не заметил, что ноги твои отеки, что пальцы на руках скрипело от работы. Прости меня, поле, за неурожай, за пустоши, прости меня, моя родная земля, я должен быть здесь для того, чтобы видеть и обо всем рассказать другим, а ты долго на все закрывал глаза».

Это уже совсем другой Яшин, обновленный, сбросивший прежнюю кожу: «Я как будто родился заново, легче дышится, не солгу, - ни себя, ни других обманывать никогда уже не смогу...»

На смену псевдоромантику Александру Яшину пришел другой Александр Яшин, вольгодский правдолюбец. В неосметном нашем богатстве Слова драгоценные есть: Отечество, Верность, Братство, А есть еще: Совесть, Честь...

И еще покание за фальшь прошлого творчества: За все отвечать настала пора: За то, что когда-то я промолчал. За то, что кричал все время ура, А караул не кричал.

Новый Яшин сказал жесткие и весомые слова в рассказе «Рычаги», появившемся в альманахе «Литературная Москва» в 1956 году. Как написал современник, рассказ произвел впечатление разорвавшейся бомбы и вызвал изумление, недоумение, озлобление, открытое негодование, восхищение и полный восторг - весь спектр человеческих чувств.

«Рычаги» - это метафора, с помощью рычагов власть манипулирует народом, навязывая ему свои указания, что надо и как надо делать, и никакой инициативы. Только послушание и квалывание. Герои «Рычагов», собравшиеся на партийном собрании, сетуют, что «все земное, естественное исчезло...», и тоскуют о правде:

« - Правду у нас в районе сажают только в почтенные президиумы, чтобы не обижалась да помалкивала, - сказал бледный Колонел и бросил окурок в горшок.

Вернул свое слово и Шукин: - Правда нужна только для собраний, по праздникам как критика и самокритика. К делу она неприменима - так, что ли, выходит?»

Пришедшие на партсобрание «поносили казенцину, бюрократизм, буквествование в делах и речах». На какие-то час-два говорившие стали «людьми, а не рычагами».

Я перечел этот рассказ, готовясь писать о Яшине, и ничего не нашел в нем опасного и революционного, но тогда, в 1956 году, это действительно была бомба: о какой еще правде говорит Яшин? И тут же ему явилась среди моря нищеты и безхозяйственности. Другими словами, Яшин кинул на удочку социалистического реализма, написал не о жизни, какая она есть, а о жизни, какой она должна быть.

Такой же взрыв критики вызвала небольшая повесть Яшина «Вологодская свадьба» (1962). И снова в писателя полетели критические стрелы: клеветник, он искал наш светлый, счастливый, культурный мир! И опять ничего особенного не изобразил Яшин в своей «свадьбе»: жених приехал за невестой не на тройке с бубенцами, а на самовале, ну, написал вульгарно, захмелевший старик подошел к каждому на свадьбе, вынимал вставную челюсть и хвастал ею, какая она расчудесная, ну, и т.д.

Картины реальной жизни. Нет! - грохотала критика, - сплошное очернение!

Тяжело пришлось Александру Яшину отбиваться от незаслуженных обвинений. Но изменить правде он уже не мог, и все его последующие стихи и рассказы были полны тонких жизненных наблюдений и горьких примет действительности. Он все больше ценил природу, простые человеческие отношения, все чаще возвращался к «проклятым вопросам бытия». Его постоянно терзали сомнения:

А в чем моя вера? Опора? Основа? Кого для примера Брать - снова Толстого? С ружьем зачелленным Без дела до осени Томлюсь, окруженный пустыми вопросами.

«Любить своих ближних? Трудить славу жизни? А если не любить? А если не трубить? О скольких заботиться? О сильных тревожиться? А если не хочется? А если не можется? А если в судьбе у меня Безудержия?»

А может, все пошлое, Фальшивое, тошное - Продажность и ложь - Не называй Пережитками прошлого? Какой мерой мерится Моя несуровица? И в бога не верится...

Гамлет не Гамлет, но человек размышляющий и очень рефлексирующий, Яшин не находил себе успокоения. «Пишут, пишут... А все сводится к четырем словам: жизнь, смерть, правда, ложь». Вот с любовью Яшин неустанно сражался, боролся против хищнического чиновничьего произвола. «Его дневники полны исповедального огня: «Всю жизнь ходим по цветам, а как их назвать, не знаем. Слушаем птиц, а какие они - не видели. Пеночку от серебристого чеканчика отличить не можем». Или вот еще: «Сколько радостей на земле, и какую ни назови - все лучше, чем лежать в земле...»

После страшной беды - гибели сына - Александр Яшин перестал писать: горе схватило его за горло. «Трудно представить что-либо более печальное, - писал Яшин из больницы своим товарищам, - чем подведение жизненных итогов человеком, который вдумывает, что он не сделал и содей, и втычной доли из того, что ему было положено сделать. Думать об этом необходимо с первых шагов литературной жизни. К сожалению, понимание этого к большинству из нашего брата приходит слишком поздно, когда уже разболтанность, тяга к разного рода утехам, к «клубному шмыганию» берет верх над трудолюбием, над творческой страстью». Эти слова Яшина уже тогда воспринимались как завещание.

Из-за тяжелой болезни Яшин многое не успел написать из задуманного и уже начатого. Мечтал он о романе, о драматической истории крестьянской семьи и даже название придумал «Для кого строился дом». «С горем не в силах справиться./ В голос реву./ Зову./ Нет, ничего не поправится./ Из-под земли не вытес./ Разве что не навью./ Так и живу./ Живу?»

Умирая, уже в конце апреля 1968 года Яшин прислал в Московскую писательскую организацию коротенькое письмо коллегам: «...Писать надо, друзья мои! Писать о том, что хочется и как хочется...»

В последнюю ночь в бреду Яшин выкрикивал: «Не отдамся! Не отдамся!». До этой ночи пытался себя успокоить: Утром не умирают, утром живут, живут... Только бы до рассвета выжить как-нибудь... Александр Яковлевич Яшин умер 11 июля 1968 года в возрасте 55 лет. Произойди так, как говорится, смена поколений. На этот счет у Евтушенко есть печальные строки: Наше дело, как парус, тоненько Блещет, дышит и дарит степь, Но ни Яшина, ни Паустовского, Ни Михаила Аркадьевича нет...

Михаил Аркадьевич - это Светлов. Ушли таланты. Ушли истинные воины русской литературы. Что касается Александра Яшина, то он был одним из ярких представителей так называемой деревенской прозы (Яшин, Астафьев, Белов, Евгений Носов, Личутин, Шушкин и другие). Сегодня можно сказать: нет деревенской прозы. Нет и мажорских русских деревьев. Разоренные их цветы доживают последние дни. Исчезли колхозы. Фермеры прививаются с трудом. Незасеянные поля. Коттеджи потеснили берега рек и ручьев. Леса вырубят. Народные традиции забыты. «Духоборов все меньше, - как писал Яшин - Крохоборов все больше».

Стеши на вырубках, других зови, - Пусть не найдется душ глухих и жестких! Без этого к чему слова любви О родине, о речках, о березках?!

Так писал и завещал нам Александр Яшин. Долгая и добрая ему память...

Юрий БЕЗЛАВНИК.

Возвращаясь к прошлому

фэнтези

По признанию самого **Ника Перумова, «Гибель богов-2»** (издательство «Эксмо») переписывалась несколько раз, постоянно дорабатываясь, и обростала новыми сюжетами. Что интересно, все эти новые сюжеты появлялись благодаря ранее написанным произведениям автора. Поясно, что «Гибели...» предшествовало 7 совершенно не связанных между собой циклов с разными сюжетами, героями и описывающих по сути даже разные миры. Как и в любом романе, в произведениях Перумова были главные сюжетные линии и второстепенные. Главные автор доводил до конца, а во второстепенные постепенно терялись и многими читателями забывались, будучи незначительными. Тем не менее истории копилась (в каждом цикле по 2 - 3 книги), и в один переросли в обсуждаемые нами творения. В этом романе герои разных историй встретились в одной книге.

Как можно догадаться по названию, этому творению предшествовала первая часть, то есть «Гибель богов» просто, без шифра, и миры стали сходить именно в ней. История началась с приключе-

ний мага Хедина, который стремился сместить богов, правящих всей Вселенной. Затеечная магу удалось, и во второй книге мы видим плоды его трудов. Правда, роман представляет сборник сюжетных линий только двух циклов: «Хроника Хьерварда» и «Летопись разлома».

Бывший маг и нынешний бог Хедин обрел покой, найдя в конце цикла «Летописи разлома» потерянную еще в «Хрониках...» возлюбленную Сигрлинн. А в другом мире счастливо живет со своим мужем-драконом маг Клар Хуммель - героиня «Летописей...», чья история ранее закончилась побегом из родной «Долнины магов». И в новой «Гибели...» два героя должны узнать о существовании друг друга, так как на Клару наладает вампир, якобы посланный Хедином, а у того проблемы в Упорядоченном, так как кто-то покушается на его власть. В результате два героя должны встретиться и начать волевать, но... не в этой книге.

Уложенные в предыдущий абзац описание автор «уместил» в две книги («Гибель...» - двухтомник). Но чтобы понять всю суть происходящего, нужно прочесть минимум два предшествующих цикла, что в результате делает роман интересным только для постоянных читателей автора.

Никита С. МИТРОХИН.

КНИГА В МОСКВЕ	НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:	Макет: Оксана Мерзлякина	Телефон для связи:
	Руководитель проекта Александр Егоруни	Верстка: Елена Слюпкина	8(499)259-10-15
		Корректора: Ирина Кутна	e-mail
		Иллюстрации: Александр Акулишин	egorunin@mospravda.ru